

Дополнительное образование с религиозным компонентом и его статус

Кулаков Андрей Евгеньевич,

*старший научный сотрудник лаборатории истории и общественных дисциплин
Института общего образования Министерства образования РФ, преподаватель
Московского института «Открытое образование», aekulakov@gmail.com*

• конфессиональное образование • конфессиональные (религиозные) образовательные учреждения • учреждения дополнительного образования на базе конфессий • конфессиональная педагогическая среда • светское образование •

Энтузиасты есть везде. В 2000 году в Самаре на Рижской улице построили и освятили небольшой деревянный храм во имя св. мученика Иоанна Воина. При храме вскоре создали образовательный Центр для приходских детей. Такие центры обычно называют «воскресными школами». В последние годы их возникло довольно много. Храмы стараются внести свою лепту в обустройство окружающей жизни, а также, конечно, выполнить миссионерскую функцию и обеспечить воспроизводство круга своих прихожан.

Главное направление деятельности таких учреждений — нравственное воспитание самой юной части паствы в духе православия, то есть, более сухим языком, — «обучение религии». Однако, помимо религии, дети из самарского Центра с самого начала занимались и авиационным моделированием, и рисованием, и плетением из бисера. При Центре появился музыкальный фольклорный коллектив. Настоятель храма протоиерей Игорь Соловьёв с гордостью рассказывает о том, что спонсоры недавно сшили для участников коллектива новые костюмы. Одним словом, около шестидесяти детей, живущих неподалёку от храма, не только присмотрены, но и учатся, развиваются, занимаются полезными и интересными делами. Хозяйством руководят четыре штатных профессиональных педагога.

Дополнительным образованием детей, в плотной увязке с религиозным просвеще-

нием и миссионерством, в той или иной мере занимаются все конфессии. Подобного рода учебные организации есть у мусульман, иудеев, буддистов. Есть они и у последователей «нетрадиционных» религий, у последователей новых религиозных деноминаций. Роль ислама в истории нашей страны переоценить трудно. Группа учителей-энтузиастов из Башкирии, например, создала в Уфе центр образования для детей родителей-мусульман, в котором не только постигают столпы своей религии, но и рисуют, вышивают, моделируют, помогают осваивать общеобразовательные школьные предметы. Детские исламские центры возникают в Москве и в других регионах страны. Обычно их организация — дело рук энтузиастов. Вне регионов традиционного ислама появление таких образовательных сообществ, перерастающих в стабильные учреждения, связано с проблемами мигрантов, которые исповедуют ислам.

О давнем опыте создания еврейских учреждений дополнительного образования можно говорить долго. Это летние лагеря (действующие как в нашей стране, так и за рубежом), школы выходного дня, просто досуговые центры для детей и взрослых. Такое внимание к дополнительному образованию связано не с миссионерством (которого в иудаизме по существу нет), а с тем, что иудаизм по своей природе не просто религия, а образ жизни, средство сохранения национальной идентичности народа,

к чему следующие традиции евреи относятся самым трепетным образом. Например, в уютной атмосфере старинного особняка на Б. Никитской улице в Москве, где расположен Еврейский Культурный Центр, работают творческие студии, проходят эксклюзивные концерты, воскресные семейные мероприятия, весёлые детские праздники. А в Екатеринбурге есть еврейская общеобразовательная гимназия «Ор-Авнер», при которой каждый ребёнок может найти себе занятие по вкусу. Выбор большой: детский театр, хор, танцевальный ансамбль и даже кружок робототехники!

Немного по-иному обстоит дело с детским творчеством у буддистов. Эта религия нацеливает своих последователей на индивидуальный путь постижения истины в процессе духовной практики. К этому, конечно, должно готовиться и подрастающее поколение. Посещая буддийские дацаны в районах традиционного распространения буддизма, можно видеть многочисленных детей-воспитанников, одетых в традиционные жёлтые монашеские одежды. Зачастую эти дети отданы в монастыри из неблагополучных и бедных семей. Там они находят не только кров и еду, но и учатся, получают необходимые жизненные навыки. Что-то подобное центрам образования детей есть как в традиционных российских регионах, где распространён буддизм (в Калмыкии, Бурятии, Тыве), так и в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах. Дело в том, что повышенный интерес к буддийским духовным практикам в наше время ощущается у некоторой части городской интеллигенции. «Пробуждая бесконечный потенциал своего ума, полностью обретёшь умиротворение и счастье» — говорят буддисты.

В буддизме существует множество школ, течений и направлений, которые, сохраняя основной философский стержень учения Будды, могут сильно различаться между собой в смысле религиозной практики. С 2009 года последователи махаянской традиции, например, проводят в России международную учебную программу, запущенную тибетским ламой Ринпоче, в которой есть и специальные детские проекты («Алиса», Школа праджняпарамиты и Школа из красного дерева Тары). В рамках этих проектов дети могут посещать занятия

по чтению мантр, медитации, участвуют в обсуждениях с тибетскими учителями, слушают и рассказывают завораживающие традиционные буддийские истории. Правда, в нашей стране реализация этих проектов пока только начинается.

Тот факт, что конфессии принимают активное участие в воспитании и образовании детей, безусловно, следует только приветствовать. Однако попутно возникает и ряд проблем. Главная из них связана с тем, что конфессиональные (или религиозные) образовательные учреждения, работающие в сфере, которую мы именуем «дополнительным образованием», в силу своей природы более закрыты от общества, нежели те, что созданы государством или муниципалитетами. Зачастую они просто обязаны жить по своим собственным законам и отчитываться перед руководством конфессий. Возникает вопрос: кто и как может проконтролировать их деятельность? В первую очередь это касается широкого общественного контроля. Где гарантия того, что под религиозными лозунгами не проводится где-то воспитание экстремистских настроений, идей национального и культурного разобщения и вражды, которые в столь опасной форме нередко проявляют себя в современной России? Можно ещё больше обострить постановку вопроса: является ли вообще конфессиональное (религиозное) образование полноправной сферой дополнительного образования?

Пытаясь разобраться в проблеме, пойдём от общих положений к более частным. В первую очередь нас, конечно, заинтересует общий статус религии в российском образовании. Наше образование — светское. Светский характер нашего государства закреплён в Конституции Российской Федерации, которая гласит (ст. 14): «Российское государство — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» эта формулировка повторяется с уточнением о том, что, в соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства, последнее не вмешивается в определение гражданином

своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учётом права ребёнка на свободу совести и свободу вероисповедания», а также «обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» (гл. II, ст. 4).

В прежнем Законе Российской Федерации «Об образовании», который недавно ушёл в историю, было установлено, что государственная политика в области образования основывается, в частности, на принципе «светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» (гл. I, ст. 2). В то же время в этом же Законе (и в той же статье!) говорилось, что одним из принципов государственной образовательной политики является «защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». Обратим внимание также и на положение 5 той же статьи, утверждающее «свободу и плюрализм в образовании».

Казалось бы, всё просто и однозначно. Некоторые специалисты трактовали статью 2 «старого» «Закона об образовании» как внутренне противоречивую. С одной стороны, утверждалась «светскость» образования, а с другой говорилось об отсутствии «единой и обязательной идеологии» (коей, в частности, является и атеизм). Так как принцип «светскости» далеко не всегда понимается однозначно в науке, здесь тоже были возможны его различные толкования. Причём это в равной степени касается как дискуссии о содержании образования, так и его организации.

Новый «Закон об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ), принятый в декабре 2012 года и вступивший в силу с 1 сентября 2013 года, в основных контурах повторяет соответствующие положения прежнего Закона (то есть в своей основе проблема до конца не разрешена), но в нём можно обнаружить и отличия. Пункт 6 статьи 3 утверждает обязательный светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность.

Из этого можно сделать вывод: так как профессиональные (религиозные) образовательные организации не являются государственными либо муниципальными, теоретически требование обязательной «светскости» на них не распространяется. В пункте 4 этой же статьи говорится о «единстве образовательного пространства России» и, одновременно, о защите и развитии «этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства».

Проблема состоит не только в формулировках законов, но и в том, что в вопросе о религии трудно (если вообще возможно) сохранять мировоззренческую нейтральность. Ведь этот феномен лежит в основном за пределами рационального знания, а его восприятие и передача всегда субъективны. Любой, даже бытовой, разговор о религии может затрагивать глубокие, а подчас потаённые и неосознанные сферы психики как педагога, родителя, так и ребёнка. Не секрет, что всё главным образом зависит от того, как человек относится к религии: является верующим, неверующим или просто не ставит перед собой вопроса: «Существует ли Бог или иное трансцендентное начало?». Одни ощущают личную чувственно-религиозную связь с этим началом и благоговеют перед сакральным, другие не ощущают этой связи, третьи же видят в религии в лучшем случае «пережиток», заблуждение, связанное с несовершенством человеческого познания, а в худшем — обман людей и вредную спекуляцию.

Как мы убедились, в нашем обществе, согласно Конституции, не существует «государственной» или «общепринятой» идеологии, которая располагает монополией на истину. Поэтому и в российском образовании обеспечивается разнообразие мировоззренческих подходов, а религиозное мировоззрение никто не объявлял единственно верным, либо нежелательным, неполноценным, а тем более гонимым и запрещённым! У нас не существует и не может существовать запрета на профессию педагога по принципу его отношения к религии, включая и тот случай, когда он определённо и открыто провозглашает себя верующим последователем той или иной кон-

фессии. Если педагога уволят на этом основании, то суд обязан будет его восстановить. А если так, то никто не может запретить педагогу воздействовать на детей в том духе, в котором он воспитан сам, воспрепятствовать ему свободно транслировать свои убеждения (не нанося ущерба выполнению образовательного стандарта).

Можно сколько угодно говорить о «светскости» образования, однако реально формализовать и проконтролировать идеологическую составляющую работы педагога весьма трудно. Выходящими за пределы правового поля могут быть признаны только открытая миссионерская деятельность в ходе уроков, а также проведение богослужений или обрядов в образовательных учреждениях. На сферу дополнительного образования это никак не распространяется. Бесспорно, под запрет попадают те действия или слова педагога, которые несут в себе состав уголовного преступления: проповедь религиозного экстремизма, призывы к насилию, террору, к межнациональной и межконфессиональной вражде. Всё остальное — дело совести, предмет личных взаимоотношений педагога и его учеников.

Возьмём, например, кружок изобразительного искусства при православном храме. Очевидно, что изучение религиозного искусства, в частности иконописи, проба своих способностей в живописи не могут не затрагивать чувственно-эмоциональную сферу и не нести на себе элемента приобщения к данной религии. То же самое касается музыки, поэзии, художественного слова и т.п.

Привычное, стереотипное понимание светскости образованию сводится к тому, что светскость не совместима с каким-либо конфессионально-религиозным влиянием. Но заметим, что, строго говоря, «светский» — отнюдь не значит антицерковный и антирелигиозный. Светскость не предполагает исключения религии из жизни общества и человека (да это и невозможно!), однако ставит этот подход в один ряд с другими концепциями мироустройства, а также с нерелигиозными мировоззрениями. Светскость образования гарантируется не отсутствием религии в качестве сакрального в учебно-образовательном процессе, а тем, что ни одна идеология, ни одна партия или

конфессия не имеет права идеологической монополии, права контроля над системой образования в целом.

Религии бытуют в сознании людей и в обществе помимо всяких санкций, разрешений или запретов со стороны государства. Даже те религиозные группировки, которые признаны в законном порядке опасными для человека и общества (нарушают неприкосновенность личности, грозят здоровью или жизни человека), невозможно ликвидировать простыми запретами. Подобного рода сообщества могут быть лишены регистрации, то есть прав юридического лица со всеми вытекающими последствиями. Но религиозные взгляды их участников обычно остаются прежними, а порой даже ещё больше укрепляются. Последователи таких групп просто замыкаются в себе, уходят «в подполье», а ситуация становится таким образом ещё более нежелательной и неконтролируемой. Любая изоляция религии от образования противоречит задаче интегрирования личности в национальную и мировую культуру, нарушает её право на национальную и религиозную идентичность. Хотя культура не исчерпывается религией, без религиозной составляющей отечественная и мировая культура становится мертва.

Таким образом, можно сказать, что светское образование в наиболее демократическом понимании — это такое образование, которое носит характер, значимый для всего общества. Это не зависит от того, включает оно в себя религиозный компонент или не включает. Социальная и культурная значимость учреждений дополнительного образования, создаваемых на базе конфессиональных организаций, храмов, монастырей, бесспорна. К сожалению, мало кто в нашей стране станет по собственной инициативе заниматься детьми с отклонениями по здоровью, с детьми-инвалидами, с детьми с «отклоняющимся» поведением, с детьми из неблагополучных семей. Конфессии же не просто берутся за такую работу — они считают её своей важнейшей миссией. И в этом смысле перед ними остаётся только «снять шляпу»! Явно «несветскими» элементами образования, по их целеполаганию, можно признать лишь прямую катехизацию, а также внутриконфессиональное образование, которое направлено

на кадровое воспроизводство служителей того или иного культа.

Светский же характер образования означает, что обучение не может иметь целью принудительное приобщение обучаемых к какому-либо религиозному вероучению или любой нерелигиозной (включая атеистическую) идеологии, что изучение религии, если оно имеет место, проходит на добровольной основе, а участники образовательного процесса не лишены права на свободу совести и вероисповедания. Государство в этих условиях должно создавать условия для защиты ценностей как религиозной, так и нерелигиозной культуры в системе образования. Таким образом, принцип светскости, понимаемый как принцип свободы мировоззренческих подходов, позволяет организациям дополнительного образования, созданным на базе конфессий (религий), свободное, законное и полноценное функционирование.

Согласно российскому законодательству, образовательные организации могут создаваться государством, муниципалитетами и частными лицами. Не лишены этого права и общественные организации. «Закон об образовании в Российской Федерации» содержит специальную статью (87), которая посвящена особенностям правового статуса религиозного компонента в образовательной сфере. Дополнительное образование в этой статье особо не оговаривается, но в ней есть очень важные положения, касающиеся и нашего предмета. Перечислим их:

— «В целях формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями в основные образовательные программы могут быть включены ... учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины (модули)» (п. 1).

Это положение делает религиозный компонент в образовании легитимным.

— «Выбор одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включённых в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся» (п. 2).

В этом пункте для нас очень важен принцип добровольности и право выбора, предоставляемого родителям в религиозном аспекте.

— «Примерные основные образовательные программы в части учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации в соответствии с её внутренними установлениями в порядке, предусмотренном частью 11 статьи 12 настоящего Федерального закона» (п. 3).

Обратимся к статье, на которую сделана отсылка. Здесь говорится: «...Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями...»

Таким образом, требование содействия взаимопониманию и сотрудничеству между людьми возведено в ранг Закона! Никто не может своей деятельностью посягать на межнациональное и межконфессиональное согласие.

И ещё один комментарий. Согласно этой статье, экспертиза содержания религиозного образования проводится самой религиозной организацией, что вполне логично. Ни государство, ни общество не может вме-

шиваться в содержание религиозных учений. В данном случае можно придраться к выражению «централизованная религиозная организация». Понятно, что хотели вложить законодатели в это требование, однако, с точки зрения религиоведческой науки, оно неточно и позволяет расширенные субъективные трактовки. На практике далеко не все даже традиционные конфессии имеют централизованные управленческие структуры.

— «Учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) в области теологии преподаются педагогическими работниками из числа рекомендованных соответствующей централизованной религиозной организацией» (п. 5).

Это положение также важно для нашей темы, так как устанавливает особый режим кадровой политики в учреждениях образования конфессиональной принадлежности. Следующий пункт (6) утверждает право религиозных организаций на участие в создании учебно-методического обеспечения предметов теологического профиля. Это тоже трудно подвергнуть сомнению.

— Пункт 7 утверждает право частных образовательных организаций включать в свои учебные планы религиозный компонент («...на основании представления соответствующей религиозной организации или централизованной религиозной организации...»). Заметим, что требование «централизованности» религиозной организации (как и далее по тексту) здесь уже снято!

— Наконец, пункт 12 гласит: «Образовательные организации, а также педагогические работники в случае реализации, преподавания ими образовательных программ, предусмотренных частями 1 и 4 настоящей статьи, могут получать общественную аккредитацию в централизованных религиозных организациях в целях признания уровня деятельности образовательных организаций и педагогических работников отвечающим критериям и требованиям, утверждённым централизованными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями. Порядок общественной аккредитации и права, предоставляемые аккредитованной образовательной организацией и педагогическому работнику, устанавливаются проводящей

такую аккредитацию централизованной религиозной организацией. Общественная аккредитация не влечёт за собой дополнительные финансовые или иные обязательства со стороны государства».

Здесь для нас важно следующее: Закон относит аккредитацию со стороны религиозной организации к категории общественной аккредитации. Учитывая требования закона, некоторые конфессии уже начали разработку нормативных документов, регулирующих деятельность образовательных учреждений при храмах и монастырях. Тут следует учесть, что по степени централизации конфессии сильно различаются. Католики, например, — одна из наиболее централизованных конфессий и управляется из единого центра. Православие также достаточно централизовано, но в рамках каждой отдельной автокефальной Церкви (Русской, Греческой, Иерусалимской и т.д.). Правда, следует учитывать, что в России существуют немногочисленные православные группы, не входящие в структуру РПЦ. У них тоже могут быть свои образовательные организации, действующие на законном основании. Исламская конфессия не имеет столь оформленной «вертикали управления» и представляет собой соединение самостоятельных общин на основе единых столпов веры. В России есть несколько организаций, управляющих делами исламского мира. В первую очередь это «духовные управления», имеющие региональный характер. Определённая часть мусульман не признаёт для себя их руководящей функции. Примерно так же обстоит дело с управлением конфессиональными делами у иудеев и у буддистов.

У каждой религии существует своя внутренняя форма обязательного (или необязательного) одобрения той или иной деятельности, включая и образовательную. Для православного мира это благословение, исходящее от священника или от лица высшей степени священства (епископа, архиепископа). РПЦ наиболее далеко продвинулась в деле регламентации своей образовательной деятельности. Священным Синодом Русской Православной Церкви утверждены для использования в епархиях, находящихся на территории Российской Федерации, «Положение о деятельности воскресных школ для детей» (№ 125 от

25 декабря 2012 года), а также «Типовой устав Воскресной школы». В последнем документе очень чётко расписаны принципы, цели и задачи деятельности воскресных школ, определены требования к их кадровому составу, структуре управления. Насколько продвинулись в подобной нормативной деятельности другие конфессии, выяснить пока не удалось.

Российский закон (ст. 91 «Закона об образовании») не предусматривает государственной аккредитации для системы дополнительного образования. Статья 92 гласит: «Государственная аккредитация образовательной деятельности проводится по основным образовательным программам, реализуемым в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, за исключением образовательных программ дошкольного образования, а также по основным образовательным программам, реализуемым в соответствии с образовательными стандартами». Однако Закон требует обязательного лицензирования любой образовательной деятельности за исключением индивидуальной (здесь работает иной механизм), а также не имеющей сколько-нибудь систематического характера (отдельные занятия, разовые лекции, семинары и т.п.).

Лицензирование осуществляется лицензирующим органом — федеральным органом исполнительной власти, выполняющим функции по контролю и надзору в сфере образования, или органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющим переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования. В Законе особо оговорено лицензирование учреждений образования религиозной направленности: «Лицензирование образовательной деятельности образовательных организаций, учредителями которых являются религиозные организации, осуществляется по представлениям соответствующих религиозных организаций (в случае, если такие религиозные организации входят в структуру централизованных религиозных организаций, по представлениям соответствующих централизованных религиозных организаций)» (п. 13).

В разговорах выясняется, что многие священники, которые создали на базе храмов

воскресные школы и образовательные центры, жалуются на сложности с лицензированием своей деятельности. Не секрет, что в России процветают излишняя бюрократизация и взяточничество со стороны некоторых контролирующих органов. Однако надо понимать, что без выявления организационных и материальных аспектов образовательно-воспитательного процесса обойтись нельзя. Общество и государство должны знать, на какие средства он ведётся, в каких санитарных условиях проходит и т.п. Уверенность в том, что условия, в которых будут находиться дети, приемлемы — важнейшая цель лицензирования учреждений дополнительного образования. И относиться к этому следует с пониманием, ведь речь идёт в первую очередь о жизни, здоровье и безопасности (санитарной, противопожарной и прочей) детей.

Ко всем обязательным условиям процедуры лицензирования сформулированы чёткие требования, исполнение которых является обязательным. Их нарушение может повлечь за собой ряд мер, предусмотренных административным правом, а в случае наступления тяжёлых последствий — повлечь за собой уголовное преследование виновных. Таких примеров в современной России, к сожалению, немало. В соответствии с п. 44 Положения о лицензировании образовательной деятельности, утверждённого Постановлением Правительства № 174 от 16.03.2011 г., по результатам возможных проверок лицензирующий орган принимает меры, предусмотренные Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» № 294-ФЗ от 26.12.2008 г., Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» № 128-ФЗ от 08.08.2001 г. и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Вся эта ответственность в полной мере распространяется на религиозные образовательные учреждения.

Важно, что лицензирование создаёт право для образовательной организации выступать в качестве юридического лица. Без этого права хозяйственная деятельность такой организации будет крайне затруднена.

В последние годы в нашей стране заговорили о новом для нас институте «общественной аккредитации» учебных учреждений. Идея, пришедшая к нам преимущественно из стран с развитым гражданским обществом, достаточно проста и разумна: оценивать результаты воспитательной и образовательной деятельности должны не только ведомственные инстанции (в лице чиновников-профессионалов), но и те, кто заказывает и потребляет такого рода услуги. Поскольку образование касается практически всех, то в числе заинтересованных оказывается очень широкий круг людей — родители, семьи, окрестные жители, общественность (в первую очередь местное сообщество), работодатели. В определённой мере заинтересованными в «конечном продукте» образования лицами выступают и те, кто охраняет здоровье людей, защищает их от правонарушений, занимается спортивно-массовой работой, формированием культурной среды. Своё весомое мнение в этом вопросе могут выражать и конфессиональные сообщества, авторитетные религиозные деятели. В общественной аккредитации могут участвовать сообщества работников образовательной сферы (например, союзы ректоров вузов, сообщества учителей), но надо понимать, что эта категория более зависима, связана «круговой порукой», внутрикорпоративными интересами.

У каждой из указанных групп есть своя специфика восприятия результата образовательной деятельности. Родители оценивают его субъективно, по ощущениям (как относятся к ребёнку, насколько он защищён). Большую роль для семьи играет качество подготовки, которое меряется удачным устройством на работу, поступлением в вузы. «Чужие» бабушки и дедушки, живущие неподалёку, обращают внимание на то, как ведёт себя молодёжь в общественных местах. Одним словом, общественная аккредитация — это концентрированное мнение, сложившееся в обществе о работе того или иного учебного учреждения, его материализованная репутация.

В новом «Законе об образовании» как независимая оценка качества образования, так и общественная аккредитация получили правовой статус. Статья 95 вводит понятие «независимой оценки» деятельности образовательной организации и качества обра-

зования: «Независимая оценка качества образования осуществляется в отношении организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и реализуемых ими образовательных программ в целях определения соответствия предоставляемого образования потребностям физического лица и юридического лица, в интересах которых осуществляется образовательная деятельность, оказания им содействия в выборе организации, осуществляющей образовательную деятельность, и образовательной программы, повышения конкурентоспособности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и реализуемых ими образовательных программ на российском и международном рынках» (п. 1).

Согласно Закону «независимая оценка качества образования осуществляется по инициативе юридических или физических лиц. При осуществлении независимой оценки качества образования используется общедоступная информация об организациях, осуществляющих образовательную деятельность, и о реализуемых ими образовательных программах» (п. 4). При этом «результаты независимой оценки качества образования не влекут за собой приостановление или аннулирование лицензии на осуществление образовательной деятельности, приостановление государственной аккредитации или лишение государственной аккредитации в отношении организаций, осуществляющих образовательную деятельность» (п. 6). Для нашего предмета — дополнительного образования, содержащего религиозный компонент, — это положение очень важно. Оценивать можно, самостоятельно вмешиваться нельзя!

Статья 96 регламентирует общественную аккредитацию. Закон вводит два понятия: «общественная аккредитация» и «общественно-профессиональная аккредитация» (ст. 96, п. 1). Разумеется, что применительно к системе дополнительного образования речь может идти только об «общественной аккредитации». В Законе говорится, что «организации, осуществляющие образовательную деятельность, могут получать общественную аккредитацию в различных российских, иностранных и международных организациях», а «под общественной аккредитацией понимается признание уровня деятельности организации, осуществляю-

щей образовательную деятельность, соответствующим критериям и требованиям российских, иностранных и международных организаций. Порядок проведения общественной аккредитации, формы и методы оценки при её проведении, а также права, предоставляемые аккредитованной организации, осуществляющей образовательную деятельность, устанавливаются общественной организацией, которая проводит общественную аккредитацию» (ст. 96, п. 1–2).

Если говорить о сфере дополнительного образования, то главным критерием здесь выступает то, насколько педагоги сумели увлечь ребёнка своим делом, приносит ли это ему радость, насколько развивает его способности и задатки, сохраняет душевное и физическое здоровье. Если в обычную школу ребёнок подчас вынужден ходить, негативно относясь к какому-то учителю, либо всему педагогическому коллективу, то в сфере необязательного дополнительного образования ситуация совсем иная. Исключение составляют лишь те случаи, когда родители, обуреваемые страстью сделать из ребёнка гения, заставляют его учиться чему-то (допустим, играть на скрипке) у «великого», результативного, но грубого и неприветливого педагога.

В учреждениях дополнительного образования, созданных на конфессиональной основе, ситуация не слишком сильно отличается. Обычно в таких учреждениях работают люди, имеющие склонность к педагогике и проявившие себя в качестве художников, музыкантов и т.п. Наличие педагогического образования руководителя не является, с точки зрения общественной оценки, решающим фактором, если ребёнок с радостью бежит на занятия. Но здесь добавляется ещё одно обстоятельство. Так как родители отправляют своего ребёнка в конфессиональное учебное учреждение по личному убеждению, по вере, для них важно, чтобы воспитание проходило в духе определённой религиозной культуры. Из собственного педагогического опыта могу назвать ряд случаев, когда конфессиональное учебное учреждение по инициативе родителей расставалось с прекрасными педагогами-профессионалами именно по причине их «идеологического» несоответствия. На их место приходили гораздо менее яркие и профессиональные, но подходящие

по убеждениям люди. И это в данном случае следует признать естественным! Одним словом, картина общественной аккредитации конфессионального (религиозного) учреждения дополнительного образования должна строиться с учётом этих особенностей и тонкостей.

В сёлах и небольших городах центральной России педагогическую деятельность при православных храмах нередко ведут жёны священников («матушки», как ласково называют их православные). Некоторые из них, не имея специального образования, на чистом энтузиазме достигают прекрасных педагогических результатов. Типичный случай: необходимо создать хор для богослужений. Набираются местные ребяташки, которые в атмосфере, близкой к семейной, приобщаются к музыке, учатся азам музыкальной грамоты. Так в удалённом и труднодоступном регионе возникает, по сути дела, учреждение дополнительного образования с высокой эффективностью педагогического процесса. Такие учреждения далеко не всегда лицензированы. Этот момент, кстати, предусмотрен в пункте 8 упомянутого выше «Положения о деятельности воскресных школ», утверждённого РПЦ.

Если говорить об общественном контроле, то вряд ли далёкая от понимания сути и задач религиозного воспитания (а в каждой конфессии оно имеет свою специфику) абстрактная общественность захочет и, самое главное, будет вправе выносить свои заключения в отношении образовательных структур, возникших в конфессиональной среде. Да и такая оценка мало что будет значить, на сколь «научные» методики оценки не опирались бы её участники. Хотя во внимание могут приниматься «конечные» результаты: насколько уменьшилась преступность в регионе, идут ли на спад пьянство, наркомания, как меняется культурная среда (села, города, района). Если в положительных сдвигах ощутимо проявляется влияние конфессионального учреждения образования, то его деятельность заслуживает самой высокой оценки. Но провести такую связь с большой долей очевидности можно, как правило, лишь в небольших, закрытых социумах.

Особое и сравнительно новое для России явление представляют собой детские лаге-

ря отдыха, имеющие религиозный уклон и учреждённые конфессиями. Ещё в начале 1990-х годов автор этих строк познакомился с молодым православным священником, который создал при своём маленьком храме в заброшенном уголке Тверской области что-то подобное детскому лагерю отдыха. Тогда, конечно, этот процесс держался на чистом энтузиазме, никем не контролировался, всё делалось «на свой страх и риск». Но родители были довольны отдыхом занятых полезными делами и хорошо присмотренных детей в экологически чистом районе. В 1990-е годы такое направление дополнительно стимулировалось приездом в Россию небольших групп иностранных волонтеров, пропагандирующих разные религиозные течения (в основном протестантские). Эти люди организовали первые летние лагеря, чтобы привлечь детей в своё религиозное течение. Миссионеры не жалели на это денег, а со стороны государства и общества процесс контролировался слабо.

Несколько позже стали появляться православные детские лагеря, которые располагались на территориях заброшенных пионерских лагерей (исторический парадокс!). Естественно, что в таких лагерях отдыхают отпрыски родителей, которые хотят помочь своим детям глубже вникнуть в мир православия. К таковым большим лагерным православным проектам относится, например, проект детского летнего (и не только летнего) отдыха «Звезда Вифлеема» при Даниловском монастыре Москвы (его курирует Патриарший центр духовного развития детей и молодёжи). Успешно развиваются такие лагеря в регионах, например, в Ярославской области, в окрестностях Новосибирска («Лесной городок») и др.

Работу подобного рода лагерей, где дети в большом количестве пребывают длительное время, трудно себе представить без лицензирования и вытекающего из этого образования юридического лица. Думаю, что если лицензии у такого лагеря нет, родители должны хорошо подумать, прежде чем отправлять туда детей.

Воспитатели лагерей с самыми различными религиозными компонентами отмечают, что с современными детьми сложно работать в плане формирования их жизненных

устремлений и моральных ценностей: главная установка молодёжи лежит сейчас в плоскости потребления. Поэтому в детских лагерях конфессионального характера педагоги делают упор на самоорганизацию детей и на преодоление ими самих себя. Не секрет, что здесь иногда (по крайней мере, по форме) применяются методики воспитания скаутов. Чтобы помочь ребятам найти своё предназначение в мире и научиться служить общему делу, педагоги используют сюжетно-деятельностные игры.

Почти одновременно с православными в России стали появляться исламские детские лагеря. Тут тоже всё начиналось с местных инициатив, с сельских районов, с регионов, где живёт большой процент людей, исповедующих ислам. Например, в Оренбургской области при мечети «Куш Манара» (с. Татарская Каргала) с 1994 года действует исламский лагерь. Он имеет характер местного, проще говоря, сельского лагеря. В Саратовской области, в лесу возле села Алексеевки действует мусульманский лагерь. Он поддерживается Министерством социального развития Саратовской области. Бедные семьи могут получить туда бесплатные путёвки. Учитывая специфику ислама, в лагере есть отдельные смены для мальчиков и для девочек. Духовное управление мусульман Татарстана организует исламские лагеря не только в дни летних каникул. В ноябре мусульманский лагерь для детей школьного и дошкольного возраста традиционно организуется в новой казанской мечети «Гаиля».

Не везде процесс возникновения конфессиональных лагерей проходит бесконфликтно. В 2011 году в Самарской области развернулась общественная дискуссия по поводу работы детского мусульманского лагеря. Некоторые члены экспертно-консультативного совета по национальной политике при аппарате Правительства Самарской области утверждали, что в лагере путём социологических опросов был выявлен высокий процент детей, враждебно настроенных к людям иных культур. Однако вскоре проблема была исчерпана, а лагерь сохранился. Трудно судить, насколько обоснованы были обвинения экспертов в адрес педагогов, но сам по себе прецедент этой дискуссии очень важен. Ведь, по сути, здесь мы столкнулись с общественной оценкой деятельности орга-

низации дополнительного образования (хотя сделана она была в рамках административного органа — правительства области).

Выше уже говорилось о специфике буддизма в отношении создания собственных учреждений дополнительного образования. Кроме того, буддистов в России сравнительно немного, и эта религия подвергалась серьёзным преследованиям в советское время, поэтому детские лагеря буддийской направленности работают в основном за границей (самый большой из них, пожалуй, в Таиланде). Буддисты считают, что никого нельзя сделать последователем своего учения, если он сам этого не захочет. Можно только помочь ребёнку накопить благие заслуги.

Упоминался и большой опыт создания лагерей с еврейским компонентом. Но эти организации следует в большей мере отнести именно к национально-культурным, нежели к конфессиональным. Часто они выступают как международные. Один из самых больших таких лагерей — «Сад будущего». Как часто бывает, организаторы использовали отжившую инфраструктуру пионерского лагеря. Руководит этим хлопотным хозяйством, получившим, кстати, признание за рубежом, молодой человек, математик и компьютерщик Авраам Кашаев. Местные жители бывают немало удивлены, когда он подъезжает к воротам своего лагеря на велосипеде. На его голове — кипа, а поверх чёрных брюк и белой рубашки виднеются цитцеты — кисти из шерстяных ниток, которые Тора предписывает носить правоверным евреям...

Подведём итоги:

Дополнительное образование за стенами храмов относится к категории феноменов, возникших и развивающихся в значительной мере стихийно, силами энтузиастов. Такое образование по своей природе не может не нести миссионерского элемента.

С правовой точки зрения, это явление полностью вписывается в систему дополнительного образования, не противоречит принципам светского характера образования в нашей стране. Действующий ныне «Закон об образовании в Российской Федерации» достаточно детально регламентирует деятельность любых образовательных

организаций, создаваемых конфессиями, и тех, в деятельности которых присутствует религиозный компонент (статьи 87, 91 и другие).

Учреждения дополнительного образования, созданные на базе конфессий, — более закрытая с точки зрения государственного и общественного контроля сфера, нежели аналогичные организации, учреждённые государством, муниципалитетами либо частными лицами и общественными организациями. В конфессиональных учреждениях преобладает система внутреннего контроля, которая организована самими конфессиями с учётом исторически сложившейся специфики управления этими конфессиями.

Государство и общество не могут не контролировать деятельность педагогов в сфере дополнительного образования, которое носит конфессиональный характер. В отношении зарегистрированных и законно действующих религиозных общин этот контроль ни в коем случае не может касаться вопросов религиозного учения как такового. Однако профессиональная педагогическая сторона работы такого рода учреждений не может являться исключительно внутренним делом конфессий. Общество и государство обязаны следить за тем, чтобы в конфессиональной педагогической среде не нарушались конституционные нормы, законодательство в сфере образования, уголовный и административный кодексы и иные правовые акты.

Ввиду того, что сфера дополнительного образования не подлежит государственной аккредитации, в качестве инструментов контроля здесь могут выступать лицензирование, а также общественная аккредитация — сравнительно новый феномен, который, надо надеяться, будет развиваться в будущем. Новый действующий «Закон об образовании» относит аккредитацию, проводимую «централизованными религиозными организациями» (практика которой уже сложилась), к категории общественной аккредитации (ст. 87, п. 12). □